

Н. А. Егорова

ПРИНЦИПЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена принципам дифференциации и унификации уголовной ответственности за управленческие преступления. Автор предлагает свое видение принципов уголовной политики и общих принципов дифференциации и унификации уголовной ответственности, а также специальных принципов дифференциации и унификации ответственности за управленческие преступления.

Ключевые слова: принципы уголовной политики, дифференциация уголовной ответственности, унификация уголовной ответственности, принципы дифференциации уголовной ответственности, принципы унификации уголовной ответственности, специальные принципы дифференциации и унификации уголовной ответственности за управленческие преступления.

N. A. Egorova

PRINCIPLES OF DIFFERENTIATION AND UNIFICATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ADMINISTRATIVE CRIMES

The article is devoted to the principles of differentiation and unification of criminal responsibility for administrative crimes. The author suggests her own vision of criminal policy principles and general principles of differentiation and unification of criminal responsibility as well as special principles of differentiation and unification of criminal responsibility for administrative crimes.

Keywords: criminal policy principles, differentiation of criminal responsibility, unification of criminal responsibility, special principles of differentiation and unification of criminal responsibility for administrative crimes.

Дифференциация и унификация уголовной ответственности — не только составляющие принципа справедливости в уголовном праве, но и *методы уголовной (или, в собственном смысле, уголовно-правовой) политики* (наряду с криминализацией, декриминализацией, пенализацией, депенализацией и индивидуализацией уголовной ответственности [1, с. 66]) и, следовательно, деятельности законодательных и правоприменительных органов государства. Как и любая человеческая деятельность, дифференциация и унификация уголовной ответственности на правотворческом уровне должны подчиняться неким правилам и

базироваться на неких исходных (и потому незыблемых) идеях — принципах [2].

Принципы дифференциации и унификации уголовной ответственности как методов уголовной политики должны быть в целом идентичны принципам этой политики. Однако по вопросу о количестве и наименовании последних в науке уголовного права нет единства [3].

Не вызывает серьезных возражений трактовка уголовной политики как целенаправленной деятельности государства по ограничению преступности средствами уголовно-правового воздействия [4, с. 58]. *Принципами уголовной политики* считаются

принципы любой правовой политики, а именно: социальная обусловленность; научная обоснованность; устойчивость и предсказуемость; легитимность, демократическая сущность; гуманность и нравственность; справедливость; гласность; сочетание интересов личности и государства; приоритетность прав человека; соответствие международным стандартам [5, с. 33].

Вместе с тем в данную систему принципов следовало бы внести некоторые уточнения, поскольку при ближайшем рассмотрении некоторые из перечисленных принципов не имеют самостоятельного значения, другие являются принципами политики вообще (а не правовой политики), третьи едва ли могут «претендовать» на роль принципов уголовной политики; наименование отдельных принципов требует корректировки.

Так, гуманизм и нравственность, сочетание интересов личности и государства охватываются принципом справедливости. О приоритете прав человека правомерно рассуждать только в контексте оптимального сочетания личных и государственных интересов.

На таких принципах, как легитимность, демократическая сущность, гласность, наверное, должна базироваться современная политика (независимо от ее вида) в любом демократическом государстве.

Устойчивость и предсказуемость, соответствие международным стандартам, хотя и важны для разумной и взвешенной политики (правовой и иной), все-таки не должны обретать качества ее принципов. Устойчивость и предсказуемость уголовно-правовой политики как надстроечного явления зависят от устойчивости и предсказуемости процессов, происходящих в других сферах социальной жизни (прежде всего, в экономическом базисе). Современное видение общества учитывает самоорганизацию и нестабильность общественных процессов [6, с. 34]. Вряд ли вызовет сомнение, что субъекты уголовной политики в нужные моменты должны проявлять

гибкость, оперативно реагируя на изменения в общественных отношениях.

Соответствие международным стандартам — безусловно, актуальное требование для современной уголовной политики. Но, учитывая реалии настоящего времени (когда международные стандарты в действительности оказываются «двойными» стандартами либо под видом международных стандартов проводятся интересы ограниченного числа государств), это требование нельзя признать абсолютным.

Наконец, предпочтительнее, на мой взгляд, говорить не о научной обоснованности, а о *научности* как принципе уголовной политики, поскольку научными должны быть не только обоснование политики как деятельности, но и сам процесс этой деятельности, и ее результаты, воплощенные в нормативных и правоприменительных актах (в частности, обязательным требованием научности следует признать оптимальное соотношение дифференциации и унификации как методов уголовной политики).

Таким образом, к *принципам уголовной политики* следует отнести: 1) социальную обусловленность; 2) справедливость; 3) научность. На этих же принципах базируются дифференциация и унификация уголовной ответственности как методы уголовной политики.

Названные принципы применимы к дифференциации и унификации ответственности за любые преступления и потому могут быть названы *общими*. Поскольку дифференциация и унификация юридической ответственности — явления полярно противоположные, хотя и тесно взаимосвязанные, допустимо рассуждать отдельно об общих принципах дифференциации и общих принципах унификации уголовной ответственности.

Общие принципы дифференциации уголовной ответственности выглядят следующим образом:

- 1) социальная обусловленность;
- 2) справедливость (распределяющая), которая предполагает соответствие различных

оснований уголовной ответственности неодинаковым характеру и (или) степени общественной опасности преступлений: а) соответствие квалифицированных (привилегированных) составов преступлений повышенной (пониженной) степени общественной опасности этих преступлений; б) соответствие общих и специальных норм характеру и степени общественной опасности содеянного;

3) научность.

К общим принципам унификации уголовной ответственности относятся:

1) социальная обусловленность;

2) справедливость (уравнивающая), которая в данном случае означает соответствие единого основания уголовной ответственности за преступления характеру и (или) степени общественной опасности этих преступлений;

3) научность.

Помимо названных общих принципов, существуют логически связанные с общими специальными принципами дифференциации и унификации ответственности, представляющие собой конкретизацию общих принципов. Специальными принципами необходимо руководствоваться при дифференциации и унификации уголовной ответственности за отдельные виды преступлений. Для выявления таких принципов, помимо названных выше общих принципов, следует опираться на Конституцию РФ, а также на отраслевое (уголовное и иное) законодательство.

Принципы дифференциации и унификации уголовной ответственности за управленческие преступления можно вывести из конституционных норм и норм уголовного, административного и гражданского права, регламентирующих деятельность лиц, выполняющих управленческие функции, а также на основе теоретических исследований. Немаловажную роль в установлении названных принципов играют аксиомы и презумпции.

Специальные принципы дифференциации

уголовной ответственности за управленческие преступления.

1. Более строгая ответственность лиц, выполняющих управленческие функции (должностных лиц), за преступления, субъект которых не наделен властными полномочиями. Данный принцип вытекает из аксиомы о повышенной степени общественной опасности преступлений должностных и иных лиц, выполняющих управленческие функции, по сравнению со степенью общественной опасности аналогичных преступлений, совершаемых лицами, не наделенными управленческими полномочиями. В литературе отмечается: «Если принять за аксиому, что власть и финансовое могущество увеличивают число степеней свободы в процессе выработки и принятия решений, то равным образом должна возрастать и мера ответственности» [4, с. 59].

Данный специальный принцип действует не как правило дифференциации ответственности за управленческие преступления, а в качестве предпосылки такой дифференциации.

Он необходим для первоначального отграничения, обособления управленческих преступлений от служебных преступлений, совершаемых рядовыми служащими, а также от посягательств, совершаемых общим субъектом.

2. Повышенная ответственность отдельных видов лиц, выполняющих управленческие функции (должностных лиц), по сравнению с остальными лицами, выполняющими управленческие функции (должностными лицами) — ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 2 ст. 287 Уголовного кодекса РФ (в дальнейшем — УК) и др. Данный принцип базируется на презумпции о том, что преступления должностных лиц особого вида (узкоспециальных субъектов должностных преступлений) обладают более высокой типовой степенью общественной опасности, чем такие же деяния остальных должностных лиц.

3. Более строгая ответственность лиц, выполняющих управленческие функции (должностных лиц), за управленческие преступления, посягающие на иные (нежели управленческие) отношения как на основной объект, по сравнению с ответственностью за общие управленческие преступления (ст. 2, 18 Конституции РФ).

Так, в ст. 2 Конституции РФ проводится мысль об исключительном месте человека, его прав и свобод в системе социальных ценностей. В ст. 18 Конституции РФ содержится закономерное продолжение этой идеи: «Права, свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

При внимательном рассмотрении оказывается, что практически все объекты уголовно-правовой охраны (в том числе, управленческие отношения) суть «поля» реализации тех или иных прав человека. Особая роль управления объясняется только тем, что оно должно быть гарантией беспрепятственного осуществления этих прав. Во всем остальном управление сравнительно менее ценно, чем иные права человека.

«Точка опоры» рассмотренного принципа — *презумпция более высокой степени общественной опасности специальных управленческих преступлений по сравнению с общими управленческими преступлениями.*

4. Более строгая ответственность за посягательства на публичные управленческие отношения как на основной объект по сравнению с аналогичными посягательствами на отношения в сфере частного управления. Этот принцип вытекает из презумпции о том, что *общим управленческим преступлениям в сфере публичного управления (гл. 30 УК) свойствен иной типовой характер и иная (более высокая) типовая степень*

общественной опасности, чем общим управленческим преступлениям в сфере частного управления (гл. 23 УК) [7].

5. Недопустимость привилегированных составов управленческих преступлений. Существование данного специального принципа косвенно подтверждается действующим уголовным законодательством об общих управленческих преступлениях, которое не содержит таких составов. На сегодняшний день не выявлены относительно устойчивые, повторяющиеся, т. е. типичные обстоятельства совершения управленческих преступлений, при которых степень общественной опасности данных преступлений существенно снижалась бы по сравнению со степенью опасности основных составов общих управленческих преступлений (ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК).

Специальные принципы унификации уголовной ответственности за управленческие преступления.

1. Единство терминологии, используемой для обозначения субъекта и признаков объективной стороны (деяния, последствий) управленческих преступлений. Данный принцип выводится из содержания конституционных норм. Так, Конституции РФ неизвестно понятие «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации». Для обозначения управляющих субъектов в основном законе используется термин «должностное лицо». Это дает основания для использования в УК (в результате реформирования уголовного законодательства) только данного термина для характеристики специального субъекта управленческих преступлений.

2. Минимизация количества оценочных понятий в составах управленческих преступлений. Такой шаг законодателя означал бы унификацию ответственности (путем конкретизации ее оснований), прежде всего, за общие управленческие преступления. В настоящее время последствия в материальных составах данных преступлений обозначены при

помощи упомянутых понятий, «наполнение» которых конкретным содержанием находится в компетенции правоприменителя. Такая ситуация свидетельствует об отсутствии единых оснований уголовной ответственности за такие преступления (причем и фактически, и юридически). И, несмотря на то, что в п. 18, 21 постановления № 19 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ранее — в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР) очерчены примерные рамки «существенного нарушения» и «тяжких последствий» [8, с. 6—7], диапазон видов и в особенности — размеров вреда, который правоприменители считают «существенным» и «тяжким», неоправданно широк. Это противоречит положению о том, что «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 3 УК). Для сравнения отмечу, что Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ были полностью формализованы оценочные понятия, обозначающие последствия преступлений в сфере экономической деятельности (введено примечание к ст. 169 УК). На сегодняшний день в главе 30 УК только применительно к основному составу халатности установлены четкие границы имущественного вреда (ч. 1 ст. 293 УК). В статьях главы 23 УК ничего подобного нет.

Рассмотренные два принципа чрезвычайно важны для обеспечения реализации принципа законности в правоприменительной деятельности.

3. Единое основание ответственности различных видов лиц, выполняющих управленческие функции, за одинаковые по характеру и степени общественной опасности деяния, совершаемые в правовой связи с осуществлением управленческих полномочий. Данный специальный принцип унификации ответственности за управленческие преступления — воплощение действия

уголовно-правового принципа справедливости (в его широком, доктринальном понимании) на правотворческом уровне.

4. Конструирование общих составов управленческих преступлений применительно к общественно опасным деяниям, типичным для любой сферы публичного (глава 30 УК) и частного (глава 23 УК) управления. Эта идея основана на принципе научности и весьма ценна с точки зрения законодательной техники. Наличие таких составов с абстрактно сформулированными универсальными признаками гарантирует беспробельность уголовно-правовой охраны управленческих отношений как основного объекта посягательства и единообразие оснований ответственности за стандартные формы общественно опасного поведения, причиняющего вред управленческим отношениям. К сожалению, данная идея по сей день остается не в полной мере реализованной — между составами, предусмотренными статьями глав 23 и 30 УК, нет гармоничной корреляции.

Таким образом, все перечисленные специальные принципы унификации уголовной ответственности за управленческие преступления логически выводятся из таких общих принципов унификации ответственности, как справедливость и научность. Кроме того, принципы 3 и 4 выступают противоположностями специальных принципов дифференциации ответственности за управленческие преступления, а значит, тоже вытекают из упомянутых выше аксиом и презумпций.

В случаях неприменимости этих аксиом и презумпций нет оснований и для дифференциации ответственности за управленческие преступления, а уже осуществленная законодателем дифференциация ответственности должна быть устранена посредством обратной правотворческой операции — унификации ответственности. К примеру, если какой-либо

состав специального управленческого преступления был создан без достаточного криминологического обоснования более высокой типовой степени общественной опасности соответствующих ему деяний, то *презумпция более высокой типовой степени общественной опасности специальных управленческих преступлений по сравнению с общими управленческими преступлениями* в данной ситуации опровергается, поскольку в действительности повышенная типовая степень общественной опасности специального управленческого преступления (в его сопоставлении с общим) отсутствует.

Список библиографических ссылок

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. СПб., 2005. (авторы главы — Н. А. Лопашенко и Г. Ю. Лесников).

Иногда дифференциацию и индивидуализацию ответственности и наказания относят к принципам уголовной политики наряду со справедливостью как нечто самостоятельное (см., напр.: Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I. Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 88. Автор главы — А. И. Коробеев). Не всегда в числе методов уголовно-правовой политики упоминается унификация уголовной ответственности (см., напр.: Епифанова Е. В. Понятие преступления и современная уголовно-правовая политика России. Краснодар, 2008. С. 108).

2. Принцип — основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 585).

3. Обзор основных позиций по данной проблеме см., напр.: Энциклопедия уголовного права. Т. 1. С. 37—38 (авторы главы — Н. А. Лопашенко и Г. Ю. Лесников); Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999. С. 32—34; Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 39—43.

4. Клейменов М. П., Пронников А. В. Понятие и цели уголовно-правовой политики // Рос. юстиция. 2006. № 12.

5. Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. Приводится по: Энциклопедия уголовного права. Т. 1. С. 39.

6. Рачков П. М., Платонов Г. В. Порядок и хаос (о некоторых тенденциях в обществе и философии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2000. № 6.

7. И данная презумпция, и названный принцип поставлены под сомнение (хотя и не опровергнуты теоретически) в связи с введением в действие Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ.

8. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.